

Владимир Михайлов
Переводчик с инского

«Автор»

2008

Михайлов В. Д.

Переводчик с инского / В. Д. Михайлов — «Автор», 2008

Эта история была странной с самого начала. Во-первых, потому что к расследованию не были привлечены местные службы безопасности, и планетарная полиция Сальты даже не догадывалась о том, что происходит у нее под носом. Во-вторых, потому что главным действующим лицом оказался не разведчик-профессионал, а самый настоящий кабинетный червь, лингвист-филолог, специалист в области инского языка. Ну и наконец, артефакт, вокруг которого крутились как сумасшедшие люди, ины, сальтцы, оказался совсем не тем, за что себя выдавал. Однако, обо всем по порядку...

© Михайлов В. Д., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Михайлов

Переводчик с инского

Глава 1

Сводка погоды обещала: температура воздуха – 293 по Кельвину, переменная облачность, во второй половине дня возможны осадки, влажность 83 процента. Действительность на этот раз совпала с прогнозом. Впрочем, предсказать погоду мог любой, даже не пользуясь метеоданными: осень в северном полушарии Сальты никогда и не бывает иной.

Словом, утро не принесло неожиданностей – до тех пор пока часы не показали четверть десятого. Именно в это время здесь должен был появиться Ингер Орро. Неожиданность же заключалась в том, что ни в назначенное время, ни через полчаса – пятьдесят полновесных минут, – ни даже через час он не появился. И не подал никаких признаков жизни ни единым способом из тех, что имелись в нашем распоряжении.

Это могло случиться и раньше; слава Творцу, что не случилось. Вот позже вероятность подобного происшествия резко уменьшилась бы, потому что наши дела тут должны были завершиться уже сегодня, и через сутки нас тут, скорее всего, уже не было бы.

Сто минут, протекавшие до четверти одиннадцатого, я занимался тем, что лелеял надежду на какую-нибудь досадную случайность, что помешала моему... ну, скажем, коллеге явиться вовремя. К сожалению, я не мог подкрепить надежду хоть сколько-нибудь приемлемой гипотезой. Сегодня, как и все время нашего сотрудничества, у меня не было ни малейшего представления о том, где Орро обретается в то время, когда мы с ним не находимся вместе, откуда каждый раз появляется и каким транспортом пользуется. Вначале я попытался было получить от него всю эту информацию; но он пресек эту попытку сразу же, приведя инскую поговорку, примерно соответствующую нашей: чего не знаешь, того и не разболтаешь. Я не обиделся: в общем-то он был прав; к тому же это означало, что на меня не возлагаются никакие другие обязанности, кроме официальной: быть его переводчиком на переговорах, на которых он представлял правительство Ины.

В любых переговорах участвует, самое малое, и вторая сторона. В данном случае в этом качестве должны были выступить «Многие». Таким странным именем представились нам люди, владеющие, по их словам, интересующей нас информацией – а может быть, и не только информацией. Кроме названия и приглашения к переговорам мы об этих людях не знали совершенно ничего. Они не дали нам ни своего адреса, ни даже канала связи, однако назначили время и место встречи. Именно в этом месте и в назначенное время я сейчас и находился.

Орро, уполномоченный вести переговоры, на которых он представлял бы инскую сторону, должен был явиться если не раньше меня, то уж, во всяком случае, никак не позже; тем не менее его не было, хотя все сколько-нибудь приемлемые сроки опоздания уже прошли. И мало того: представители другой стороны тоже не возникли. Ни о каких изменениях или тем более об отмене договоренности нас – меня, во всяком случае, – не предупредили. И это вызывало у меня не столько возмущение, сколько тревогу.

Тревогу – потому что переговоры, которые должны были начаться вот уже более часа тому назад, никак не относились к официальным. Государство Сальта, то есть мир, в котором мы сейчас находились, не имело никакого представления о том, что на его территории, а точнее – в его столице, должно было произойти некое общение неофициального представителя другого мира, а именно Ины (иными словами, Орро), с какой-то местной, не только официально не зарегистрированной, но, судя по многим признакам, явно уголовной группировкой. Правящий сенат Сальты, узнай он об этом, был бы не только возмущен (что естественно, поскольку между

Сальтой и Иной, находящихся на противоположных окраинах Галактики, практически отсутствуют нормальные межгосударственные отношения), но и принял бы меры для того, чтобы нелегальные переговоры пресечь, а их участников задержать до полного выяснения – кто и о чем договаривается. Поскольку я тоже мог считаться представителем одной из сторон, задержание грозило и мне; вряд ли нужно объяснять, что такое развитие событий меня никак не устраивало.

Хотя на самом деле я если и являлся участником предполагавшихся переговоров, то лишь техническим: всего только переводчиком с инского. Вообще по законам ГК – Галактической Конфедерации – на любых межгосударственных встречах перевод (если он нужен) должна обеспечивать принимающая сторона – как и помещения, транспорт, безопасность и все прочее. Но, как уже сказано, эти переговоры не были правительственными. И у приглашавшей группировки, у «Многих», не нашлось иноязычного специалиста (это вообще редкая специальность), зато терраноговорящих было хоть пруд пруди. Поэтому они предложили вести переговоры по схеме: инский – терранский – сальтский. И террано-сальтского толмача обещали привезти с собой.

При такой системе всегда существует опасность сыграть в испорченный телефон. Мне, лингвисту-инологу, в свое время приходилось участвовать в подобных переговорах, и мы с коллегами всегда, отлично понимая это, работали очень тщательно, порой подолгу обсуждая каждое слово, прежде чем довести его смысл до самих переговорщиков. Небольшая ошибка в истолковании смысла могла бы, неожиданно переведя стрелку, направить поезд переговоров совершенно по другому пути и привести вовсе не к той станции, достигнуть которой хотели обе стороны: не ко взаимоприемлемому результату. Сами переговорщики поначалу выражали недовольство медленным темпом диалога, но нам удавалось растолковать им, что многие слова инского языка, хотя и кажутся соответствующими словам той же терраны по смыслу, на самом деле обладают то гораздо более широким, то, наоборот, слишком узким значением, что они бывают весьма многозначными и в разных контекстах их следует переводить по-разному. А скорость объяснения, уместная в уличной склоке, в серьезном случае может лишь повредить. Со скрипом, но до них это доходило, на осмысление сказанного ими тратилось лишь на полчаса больше, чем понадобилось бы любому прохожему на улице. Но от высоких договаривающихся лиц трудно требовать большего.

Так вот, инской стороне понадобился хороший переводчик. Причина была ясна: Орро не владел ни одним языком, кроме родного инского (неспособность инов к языкам всегда изумляла меня, да и всех, кому приходилось с этим народом сталкиваться), их же речь была для восприятия со стороны более сложной, чем хотелось бы. Сальта, на которой мы сейчас находились, поддерживая с Иной официальные отношения, не имела с нею, как уже сказано, деловых связей – ни политических, ни экономических, так уж сложилось. Поэтому и людей, владеющих инским, на этой планете не было – это я знал наверняка, потому что Орро сперва искал себе переводчика именно тут и, лишь не найдя ни единого, попросил своих шефов обратиться к Терре, на которой можно всегда найти что угодно и кого угодно – за хорошие деньги, разумеется. Шефы Орро, как и все вообще ины, существа весьма прижимистые, однако тут им пришлось раскошелиться. Но уж за свои деньги они стремились получить полное обслуживание.

Даже на Терре специалистов по инскому можно, пожалуй, однорукому счесть на пальцах. Четверо, что существовали там кроме меня, Орро подходили еще менее: один – по преклонному возрасту, двое – потому, что в узких кругах были давно известны как кадровые разведчики, и на Терре появлялись весьма редко. Четвертый же мотал серьезный срок за контрабанду оружия – точнее, за то, что сбивал цену и тем наносил убытки властям, что занимались тем же промыслом легально. Так что оставался лишь аз, грешный: моя репутация инолога была выше всяких похвал.

Как говорится, без меня меня женили. Я только что дописал очередную статью для журнала «Проблемы лингвистики» и отдыхал, вывесив большой экран, где шла обычная программа «История даты» – о событиях, происшедших в этот день, но в разные годы. Полюбовался на извержение проснувшегося вулкана на Синере (десять лет назад), на таинственное исчезновение меньшего спутника дикой планеты Рамизы шесть лет тому (это была явная стряпня: как же ухитрились оказаться там репортеры, если планета необитаема и никакого интереса ни для кого не представляла?) и начал уже смотреть народные волнения на Лигуроне, наоборот, интересные для каждого гражданина Конфедерации, как меня вдруг по правительственной связи затребовали (даже скользун прислали!) достаточно высоко, где и объяснили, что я временно мобилизован и обязан немедленно лететь на Сальту и переводить.

К такой миссии я никогда не готовился, даже и не думал о ней. Моя страсть и, осмелюсь предположить, призвание – языки, а не дипломатия и тем более не разведка. Я по натуре кабинетный червь, а вовсе не оперативный работник, и даже для того, чтобы уговорить меня (читай: заставить) выступить в роли переводчика на переговорах, на меня пришлось очень сильно давить. В результате, оторвав от спокойной и увлекательной работы, связанной с вопросами беспредложного управления глаголов в восточноинском диалекте, мне поставили задачу и зашвырнули по внеурочке на Ину, а уже там в нашем посольстве свели с Орро и отправили на Сальту. Впервые мне пришлось проклинать мою репутацию крупного инолингвиста, но в какой-то мере успокаивало то, что переговоры обещали быть скоротечными, а дома мне поклялись, что после этого меня самое малое год, а то и два, не станут отрывать от работы и от кафедры.

Однако уговаривать пришлось не только меня, но и Орро тоже: в конце концов, его мнение должно было стать решающим, работать-то предстояло ему, а не его начальству. Безупречность моей репутации вызвала, по-моему, у Орро немалые сомнения. Это говорило о его серьезном опыте, подсказывавшем, что все, выглядящее очень уж привлекательно, скорее всего окажется подделкой. Я уже стал было надеяться, что он меня забракует. Вообще-то он вначале просил дать ему другого специалиста, по имени Бемоль (мне не приходилось встречаться с этим человеком, языковедческих работ у него было опубликовано немного, хотя те, что были, вызвали глубокое уважение). Этот человек – один из тех двоих, что известны в языковедческих кругах как профессиональные разведчики. Логика Орро была мне понятна: он хотел быть уверен, что имеет дело с профессионалом, на которого можно положиться. Я же оставался для него фигурой туманной. Однако при первой же нашей встрече с ним – еще на Терре – он все же сделал выбор в мою пользу.

И не только потому, что Бемоль находился где-то в очередной командировке; решающую роль в выборе сыграл, думаю, мой инский, его качество, а также и мое знание самой Ины. Уже через полчаса после знакомства ему стало казаться, что он разговаривает с соотечественником, и это ощущение перевесило его недоверие к моему кристально чистому прошлому.

Мой инский действительно близок к совершенству. Причина проста: язык был усвоен мною со слуха, а не по учебникам. Я родился на Терре, отец мой был командиром особого отряда пионеров, то есть открывателей и первопроходцев новых миров, большую часть времени проводил где-то в Галактике, возникая дома раз в полгода на две-три недели, не более. Этот краткий срок он делил между тремя или четырьмя дамами, ни одна из которых не была его женой, включая мою маму. Потом он исчезал снова. Моя мать – женщина во всех отношениях незаурядная – этим тяготилась, и, когда инский дипломат – первый секретарь посольства на Терре – не на шутку в нее влюбился и сделал предложение, он получил согласие. Мне тогда было что-то года три. Срок его пребывания на Терре истек, когда мне стукнуло пять. Он вернулся на Ину не один, а с семьей. Так что с пятилетнего возраста я находился полностью в инской среде – в школе, на улице, вообще везде, родной язык остался лишь для общения с мамой и достаточно скоро перестал быть главным, по-ински же я говорил совершенно сво-

бодно и, как уверяют, практически без акцента, что само по себе нелегко: инская фонетика весьма сложна, владение этим языком требует хорошего музыкального слуха – у меня он, по счастью, оказался. Язык, на котором я заговорил, был и литературным (усвоить который легче), и (что сложнее) бытовым, языком улицы, магазина, тусовки – жаргоном, короче говоря. Это со временем дало мне серьезные преимущества перед терранскими конкурентами по инологии, чья языковая стажировка на Ине ограничивалась парой месяцев в академических кругах.

На Ине мне жилось неплохо, и, возможно, я и посейчас обитал бы там, если бы не возникшие в том мире изоляционистские движения, приведшие сперва к неприязни ко всем чужакам (а мы достаточно отличаемся внешностью от инов, спутать нас трудно), а потом и к погромам. Правда, властям удалось достаточно быстро справиться с беспорядками; однако это уже не могло вернуть к жизни маму, которую убили, когда она выходила из машины возле нашего дома. С того времени во мне живет стойкая ненависть к толпе. Вскоре после похорон Ар Гару – отчим – смог отправить меня на Терру: никто не верил, что подобные эксцессы не повторятся, – и правильно. Через коллег в инском посольстве на Терре ему удалось связаться с моим отцом, тот согласился принять меня – и я распрощался с Иной, похоже, навсегда, улетел с двойным чувством: сожаления и облегчения.

Тогда мне только что исполнилось семнадцать. Ровно на столько же (минус три года) постарел и мой отец – но ни по виду его, ни по повадкам сказать это было невозможно: он по-прежнему летал и покорял и умер в одной из экспедиций еще через пятнадцать лет. Он был хорошим мужиком, хотя искусство быть отцом для него всегда заканчивалось в миг зачатия.

Вот такая история с моим инским. Вот почему я оказался на Сальте вместе с Орро. И сейчас я острее, чем когда-либо, сожалел, что у меня не хватило стойкости и я позволил втянуть себя в предприятие, которое чем дальше, тем больше представлялось крайне сомнительным.

Но пока я объяснял вам все это, еще один час истек, а вместе с ним и надежды на всего лишь досадную случайность, помешавшую одновременно и Орро, и «Многим» приступить к делу. Их место заняла уверенность в неблагоприятной закономерности происходящего – или непроизходящего, с любой точки зрения результат все равно плохой. И заключался, он, несомненно, в том, что Орро погорел. И переговоры вместе с ним.

Глава 2

Обстановка подсказывала, что здесь и сейчас мне делать было нечего. Инского представителя явно уже какое-то время разглядывали через прицел. И пусть мы с ним вместе появлялись на людях очень редко, на улице практически никогда, но наблюдение могло вестись и тут, и уж в таком случае я никак не мог остаться незамеченным. Хотя я был всего лишь лицом, так сказать, полуофициальным, никаких полномочий ни от кого и нигде не получал (я так долго повторял эти слова про себя, что и сам в них почти поверил), однако тем, кто плотно интересовался Орро, без меня было никак не обойтись. Значит, следовало с минуты на минуту ожидать приглашения, от которого не сможешь отказаться.

Для того чтобы не позволить возникшей ситуации совершенно выйти из-под контроля, мне сейчас нужно было как можно скорее (и незаметнее) исчезнуть из помещения, в котором я до сих пор находился. А прежде, чем уйти, – по возможности уничтожить всякие следы моего пребывания здесь: одно из немногих усвоенных мною за последнюю неделю правил профессионала. Не оставлять следов. Потому что доказать, что ты где-то был, всегда намного легче, чем уверить, что тебя там не было, – если следы оставлены. Но вы и сами это понимаете. Уничтожением следов я и занимался в то время, как разливался перед вами соловьем. Оба этих дела я завершил одновременно. Теперь можно было уйти. «Заменить себя никем» – как это прозвучало бы в буквальном переводе с инского.

Я привычно окинул взглядом помещение, которое собрался покинуть. Оно представляло собой небольшой конференц-зал, один из многих, что можно было арендовать в этом здании – на час, день, месяц, даже год – как угодно. В нем находилось все то, что могло понадобиться по ходу конференции – помимо стола и стульев тут имелось и компьютерное оборудование, и выходы многих каналов связи, в том числе трансгалактических, и устройства, делающие невозможной работу «жучков» и вообще всяких подслушек, – словом, все вплоть до бара и очень хорошей кофеварки. Мой взгляд не был прощальным; во всяком случае, сам я его таким не ощущал. Просто хотелось, прежде чем затворить за собой дверь, убедиться в том, что я оставляю все в полном порядке. Никаких следов, кроме разве что пепла в пепельнице. А лучше, если и его не останется. Индикаторы приборов светились ровным, успокаивающим светом, словно красные светлячки, устроившиеся на отдых. Все вместе они составляли как бы некое созвездие, за минувшие дни ставшее не менее привычным для меня, чем Большой Арктус, он же Куррус, для терранина.

И в последнее мгновение что-то в этом созвездии показалось мне не совпадающим с отпечатанным в памяти рисунком.

Я не сразу понял, что в нем мне не понравилось. Все те же восемнадцать красных точек, должным образом расположенных. Шестнадцать одиночных огоньков и один двойной, подобный звезде Мицар.

Именно так – только сейчас двойной превратился в одиночный. А огонек-спутник погас. Кажется, он не горел уже, когда я тут появился, но тогда у меня не было повода столь внимательно приглядываться ко всему окружающему; профессионалом я, как известно, не был – и вовсе не собирался им становиться.

Тем не менее мне не пришлось долго задумываться, чтобы вспомнить – о каком приборе исчезнувший светлячок должен был сигнализировать. Он принадлежал системе, подавляющей все подслушивающие устройства. Это означало, что система то ли неисправна, то ли вообще выключена.

Это могло быть случайностью. Но я никогда не верил случайностям, возникающим в тот миг, когда они как раз крайне нежелательны и сопровождаются каким-то опасным эффектом – или сами сопровождают его.

Один эффект был уже налицо: Орро не явился. Исчез.

Почему?

Возможных причин было две: либо ему помешали, либо он сам решил не появляться здесь и сейчас. Почувствовав, возможно, какую-то опасность.

Помешать ему могла случайность. Например, попал под машину. Или на него упал балкон. Или пристали хулиганы, которым не понравился его облик. Бывает.

В это не очень верилось. Орро, насколько я мог судить, был крайне осторожен и при переходе улицы, да и вообще во всем. Так что группу агрессивно настроенных горожан он обошел бы по большой дуге. Новостройки же всегда пугали его – это я понял из некоторых его замечаний уже при первом знакомстве.

Кроме того, приключись с ним что-нибудь подобное, он непременно подал бы мне соответствующий сигнал. Даже если бы потерял сознание или умер на месте. То есть, сигнал исходил бы не от него, конечно, а от статус-индикатора, без которого нельзя представить себе ни одного человека (точнее – разумного цивилизованного существа) и который незамедлительно подает тревожный вопль «Все!», когда в состоянии его носителя происходят тревожные изменения. И я уже получил бы хоть такое сообщение. Потому что помимо общего сигнала статусник послал бы отдельное оповещение по заложенным в него адресам; в данном случае – по моему адресу.

Нет, случайностью тут не пахло. Значит, помешать Орро могли люди, перед которыми такую задачу поставили. Сейчас некогда было подсчитывать вероятность: кто из заинтересованных в неуспехе миссии Орро смог бы осуществить подобную операцию. Таких я (при всей неполноте моей информации) мог насчитать до полудюжины, с разными шансами на успех. Внезапно схватив его, они могли бы сразу же заблокировать его статус-индикатор, а также лишить Орро любой возможности подать какой угодно сигнал. И это выглядело куда более вероятным, чем падение балкона.

Но все же и тут полной уверенности не возникало. По одной причине.

Случись такое – у них не было бы надобности выключать здесь технику, мешавшую прослушивать то, что здесь говорилось, и фиксировать все, что могло поступить по связи. Все это имело смысл лишь в случае, если предполагалось, что Орро появится здесь, как и представители «Многих», и мы с ними начнем ту работу, ради которой здесь и оказались. Значит, его не взяли. Потому что мне не очень верилось в то, что брали Орро какие-то одни, а налаживали прослушивание другие. Слишком уж много суеты возникало вокруг нас (странно, что только сейчас это пришло мне в голову, раньше я как-то не замечал этого, предоставляя Орро заботиться о безопасности), и мой наниматель вряд ли мог ее не заметить.

Оставалось одно: Орро не явился по собственному решению, вовремя увидев или почуяв опасность.

Но это означало, что я слишком поспешно решил не задерживаться здесь более ни на секунду. Потому что Орро не мог исчезнуть, не передав мне хоть каких-то указаний: что мне делать и чего не делать, искать ли, например, неявившихся «Многих» или как можно скорее удирать с Сальты. И указания эти в любой форме пришли бы сюда. А значит – были бы перехвачены теми, кто обеспечил успешное прослушивание.

Многоопытный Орро, конечно, обязан был такую возможность предусмотреть. И потому не пользоваться ни голосовой связью, ни письменным сообщением, но найти какой-то способ, который не позволил бы нашим оппонентам понять, какие действия мы предпримем в сложившейся обстановке.

А значит, прежде чем покинуть помещение, я должен был, самое малое, вывести из строя все системы связи, работавшие здесь. Потому что все, что примут они, будет сразу же использовано противниками.

Подождут.

У меня не было времени на то, чтобы расправиться с аппаратурой физически, да и желания тоже: калечить хорошую технику всегда неприятно. Да и как знать – не понадобится ли она в скором будущем: зал этот был оплачен до конца недели, так что еще самое малое пять дней он будет оставаться за нами. В случае же если оборудованию будут нанесены какие-то повреждения, наш договор аннулируется сразу, да еще придется оплачивать нанесенный ущерб. То есть, следовало сохранить возможность вернуться сюда в любой день и час.

Сделать это было, в общем, несложно: перевести все системы в состояние сна. И задать программу: пробуждение – только при загрузке кода. Код я симпровизировал на ходу, а чтобы затруднить его расшифровку, составил его из нескольких слов, каждое – из другого языка, с перестановкой знаков и с использованием четырех различных письменностей. Не бог весть что, конечно однако поиски отнимут у дешифровщиков некоторое время, а мы за это время (надеялся я) успеем встретиться, разобраться в ситуации, принять меры к тому, чтобы нам больше не мешали, и выяснить, куда девались «Многие» и как восстановить с ними связь. Надо полагать, что и они со своей стороны займутся тем же, с какими бы помехами они ни столкнулись сейчас. Потому что разыскать переговорщиков нам нужно было обязательно: иначе вся предварительная работа пошла бы псу под хвост. Такой роскоши мы никак не могли себе позволить.

Подготовка к выходу потребовала четырех минут времени, включая потраченное на отключение видеокамер. Так, на всякий случай. Только после этого я направился наконец к выходу. Снова включил видео.

И невольно задержался на секунду-другую: на экране, изображение на который давала камера номер восемь, сканировавшая коридор, показался человек. Незнакомый. Вроде бы невооруженный. Он шагал неторопливо, читая номера на дверях. И остановился перед той, которую я только что собирался отворить изнутри.

Похоже, мелькнуло в голове, без шума все-таки не уйти. Сейчас он с маху распахнет дверь...

Нет. Он вежливо постучал. Это было неожиданно.

Я отступил в сторону – так, чтобы створка, открывшись, прикрыла меня. И сказал громко, но в сторону:

– Открыто!

Дверь распахнулась. Но посетитель входить не стал. Остановившись на пороге, негромко произнес только одно слово: мое имя. Но не то, под которым я был тут официально зарегистрирован. Другое. Здесь, на Сальте, известное только Орро.

Я выступил из-за двери. Посетитель сказал, не дав мне даже раскрыть рот:

– Тсс.

И вытянул руку раскрытой ладонью вверх. Привычное движение. Над ладонью в воздухе возник, неподвижно повис зеленый экранчик, девять на двенадцать. Страничка вирт-нота с несколькими словами текста. Я, не раздумывая, ответил тем же, перевел текст на свой экранчик и убрал его в память. Человек повернулся и ушел, на прощание сказав, вернее – прошептав:

– Через полчаса.

Я проследил его – при помощи камеры, конечно, – вплоть до лифтов. Он поехал вниз.

Только после этого я занялся тем, что он передал мне.

Намного ли я обогатился информацией?

Несколько слов. На инском языке. Но с использованием здешней письменности.

Ничего удивительного. Вы, полагаю, не хуже моего знаете, что пользоваться вирт-нотом можно только при помощи столь же виртуальной клавиатуры, существующей в вашей памяти. Эта технология передачи и хранения информации поддерживается специальной сетью, существующей в каждом цивилизованном мире. А сеть эта в каждом мире основана на местном языке или языках и на здешней письменности, что совершенно естественно. То есть передать и принять можно любую комбинацию знаков – но только таких знаков, какие существуют в

данном мире. Лишь самые большие миры поддерживают по нескольку систем письменности. Сальта к таким не принадлежит.

А в результате пользование местной вирт-нотсетью порой может поставить клиента в совершенный тупик. Как и оказалось сейчас со мною.

Наверное, в тексте было бы легче разобраться, будь он написан древней клинописью или русской глаголицей. К сожалению, такими техниками Орро не владел. И сделал, что мог.

А что делать с этим посланием мне?

Глава 3

Записку я смог прочесть без труда.

Однако прочесть – это одно, а понять порой совсем другое.

Ох, этот инский язык!..

Похоже, тут мне не обойтись без новой порции пояснений.

От всех известных в Галактике языков инский отличается прежде всего двумя свойствами.

Во-первых, крайней фонетической бедностью.

И во-вторых, обилием, даже избытком многозначных слов.

Ины выговаривают лишь двенадцать звуков. Не могу судить: из-за устройства их речевого аппарата или же из-за исторических условий, в которых он возникал. В нем существует восемь гласных и лишь четыре согласных, все четыре – слогообразующие. Возможно, так получилось потому, что в давние времена инам приходилось общаться голосом на больших расстояниях, и у них сохранились лишь те звуки, которые можно было громко выкрикивать и улавливать вдалеке. Иначе и невозможно было в условиях горной страны, в какой зародилась их культура, и в широко распахнутой равнине, где она потом развивалась. Правда, у них самих существуют и другие предположения на этот счет, но они сейчас вас вряд ли заинтересуют.

Естественно, что из двенадцати звуков можно образовать значительно меньше слов, чем из тридцати или сорока. Поэтому слов в инском намного меньше, чем в других языках. В то же время, поскольку инская цивилизация ни в чем не уступает любой другой, количество понятий в этом языке такое же, как и у нас с вами. Их куда больше, чем слов.

Следовательно – почти каждому слову в инском языке приходится нести даже не двойную или тройную, но порой более чем десятикратную нагрузку. Причем выражаемые одним и тем же словом понятия чаще всего не имеют друг с другом ничего общего.

Этот недостаток у инов компенсируется другим качеством: интонацией. Слово одно, но, произнесенное с десятью разными интонациями, оно и выражает столько же разных понятий. Интонация – вот ключ их языка. Поэтому у тех, кто слышит инский язык впервые, возникает впечатление, что они не говорят, а поют. На этом языке просто невозможно разговаривать монотонно: никто ничего не поймет.

Итак, интонация – при разговоре. А на письме?

Ины выходят из этого положения при помощи дополнительных значков, которыми сопровождается каждое написанное слово. Они могут быть над- или подстрочными, единичными или удвоенными, даже утроенными. Иноговорящие в этом отлично разбираются, значки (там их называют «немymi знаками») имеются в любом пишущем устройстве инского производства.

Ну а если слова есть, а значков нет?

Тогда плохо.

Ну вот например: представьте, что в вашем языке все личные местоимения обозначаются одним и тем же словом, и глагол во всех временах – тоже одним словом. Если нет немых знаков, вы вряд ли поймете, что вам написали: «Я буду» или «Они были». Или даже «Они не были», поскольку отрицание тоже выражается интонацией.

Вот так обстоят дела с этим языком.

Что же касается полученной мною от Орро депеши, то она была выполнена, как уже говорилось, на сальтской письменности. В которой никаких интонационных знаков, естественно, не существует. Автор записки, видимо, не успел сообразить этого. Наверное, обстановка, в которой он писал, не была спокойной и благоприятной.

Хотя не исключалось, что он сделал так намеренно. Рассчитывая на то, что я, попотев, все-таки разберусь, что к чему, другие же, даже знакомые с инским, только зря потеряют время.

Пробежав текст глазами, я сильно усомнился в своих способностях.

Потому что с первого взгляда было ясно: тут могли быть десятки смыслов.

Никак не менее. Даже мощный компьютер стал бы чесать в затылке.

Хотя нет. Он бы исправно выдал мне все возможные варианты. Десятки, а то и сотни.

А определить, какой из них истинный, все равно пришлось бы мне самому.

Весело, правда?

Глава 4

Информация для тех, кто любит, так сказать, потрогать все своими руками.

Вот что я прочитал на виртуальной табличке и запечатлел в памяти:

«Уро ам изор онури а иномо унэ».

Я с минуту размышлял на тему: что предпринять в первую очередь? Приниматься за расшифровку текста или все же удрать отсюда, заползти в какую-нибудь норку и уже там заняться делом?

Принять решение оказалось непросто. Потому что тут возник своего рода порочный круг: мое решение должно было зависеть от той информации, что содержалась – обязательно содержалась, ведь текст был передан мне не просто шутки ради! – в полученной записке. Но чтобы овладеть этой информацией, следовало сперва текст расшифровать; ну а чтобы заняться разгадкой всерьез, надо было прежде всего оказаться в спокойной обстановке. А место, где я все еще находился, считать надежным я более не мог.

Когда отведенная на размышления минута истекла, я поймал себя на том, что уже прокручиваю в голове возможные варианты смысла полученного сообщения. То есть, подсознание само выбрало нужное решение. И мне оставалось только подчиниться ему.

Нет смысла приводить здесь все варианты, возникавшие и распадавшиеся в моем мозгу. Но чтобы создать у вас хотя бы представление о той работе, которую мне предстояло выполнить, дам в качестве примера словечко-другое из содержавшихся в тексте.

Вот возможные значения первого слова: *уро*. Должен (я, ты, он, мы, вы, они, или же наоборот – не должен), приказ, план, оружие, скала, желание, объяснение, наступление, встреча – или, напротив, расставание... Будь здесь обозначены немые знаки, сразу стало бы ясным, какое именно значение выбрано для этого контекста – однако, как уже сказано, их-то и не доставало.

Или вот другое слово, *изор*: дерево, пища, склад (база), исток, секрет, укрытие, обьятие (или, при отрицательной интонации, ссора), плотина, спальня, шалаш, станция (вокзал) – любого транспорта: сухопутного, водного, воздушного, космического...

Ам: это и подобие артикля, и усиливающая частица, и, наоборот, смягчающая значение предшествующего слова (опять-таки значение определяется интонацией), и, главное, все формы глагола «быть» – в том числе и с отрицанием. Но в определенной позиции может иметь и значение «убить, убийство»; правда, не в литературном инском, но в разговорном, просторечном. Орро, как я знал, владел и пользовался языком улицы широко и охотно. И – тоже в просторечии – слово могло получить значение «выручить, спасти».

Пожалуй, хватит с вас. Я был бы очень рад, если бы мог сказать то же самое и о себе. Увы, ко мне это не относилось.

Решить возникшую задачу стало бы куда проще, если бы я мог сейчас загрузить всю музыку в стационарное железо (это заняло бы не более получаса), получить все варианты – их оказалось бы, я думаю, все же меньше тысячи – и выбрать из них такой, что придется мне по вкусу более других. И нужный компьютер – вот он, на его привычном месте, сейчас дремлет, но разбудить его – дело трех секунд. Я уже повернулся лицом к нему. И даже сделал шаг, чтобы приблизиться.

Это, несомненно, свидетельствовало о том, что я находился в состоянии если не полной растерянности, то, во всяком случае, легкого умственного расстройства. Потому что воспользоваться компьютером в этой обстановке означало бы сделать всю работу за моих противников: после отключения защитной системы уже не оставалось сомнений в том, что прослушиваются и фиксируются не только разговоры, но перехватывается любая информация, какая бы тут ни

возникала. То есть, использовать имевшуюся технику тут было самой большой глупостью из всех возможных. И я вовремя повернулся к устройству спиной.

Следующая мысль была: но ведь те, кто так пристально интересовался мною (после Орро, конечно), ждут от меня именно чего-то подобного. Потому что существовал и такой вариант: мой наниматель ими взят, ему позволили отправить мне сообщение – которое, естественно, скопировали и теперь хотят воспользоваться моей помощью в расшифровке, поскольку им самим она явно не по силам. При этом Орро, понятно, думает, что ему удалось сделать все скрытно, считай он иначе – не предпринял бы ничего подобного даже под страхом смерти; ины вообще народ страшно упрямый. Если дело обстоит так – легко объяснимо, почему за мной еще не пришли, да еще и позволили тексту добраться до адресата: они ждут, что я сейчас подключу к расшифровке технику, и им останется лишь записывать результаты. Тем самым они дают мне какое-то время для действий. Что же, спасибо, постараюсь использовать его наилучшим образом.

Рассудив так, я все-таки вернулся к компьютеру. Разбудил его, представляя, какое радостное оживление возникло в этот миг там, откуда велся контроль. Ладно, хорошо смеется тот, кто пьет шампанское, – или как там принято говорить. Я загрузил одну из тех программ, которые всегда таскал в памяти; есть такие задачки, чаще всего из области теории времени, которые (в рамках доступной нам математики) решений не имеют; тем не менее, в мире хватает чудачков, которые все грузят и грузят эти задачки, заставляя ни в чем не повинные машины тратить время и энергию на поиски несуществующего результата.

Я – один из таких чудачков, только задачки мои относятся исключительно к области теоретической лингвистики. Например: найти возможное предельное количество смыслообразующих гласных в сутирском языке; задача интересна потому, что Сутир – планета совершенно необитаемая и такого языка, следовательно, не существует, но когда-нибудь, лет этак миллион-два через двести, он может возникнуть. Или, например... Ну да ладно. Словом, один из подобных ребусов я и загрузил, и комп набросился на него прямо-таки с урчанием. Я представил, как эти там застыли в приятном ожидании. Вольно им. Сам же я начал строить варианты при помощи собственного мыслительного аппарата, хотя и куда как слабого по сравнению с железом, но зато в данный момент недоступного для прослушивания или копирования.

Варианты получались разные. Например:

«Должен скрыться. Делай сам. План тот же».

«Этому верь. Прочее поймешь. Делай как сказано».

«Меня могут убить. Закончи дело, сам знаешь как».

«Я убил, защищаясь. Должен скрыться. Продолжай работать».

«Тебя хотят убить. Скройся. Закончу дело сам».

«Никуда не уходи. Жди связи со мной».

«Иди туда, куда поведет этот человек. Встретимся».

Ну, и еще дюжина такого же рода. Из них можно было выбирать или, наоборот, выкинуть все к чертям собачьим.

Впрочем, возможности еще не исчерпывались. Человек, передавший сообщение, обещал вернуться. И от него, безусловно, можно будет получить какую-то дополнительную информацию – хотя бы о том, где, когда и при каких обстоятельствах это сообщение было курьером получено, в каком положении находился Орро, что произошло, а чего, напротив, не произошло. Тогда станет более или менее ясно, в каких пределах следует держаться при поисках подлинного смысла этого послания.

Тем более что оговоренное курьером время подходило к концу. И я испытывал уже легкое нетерпение, опасаясь, что, если он не придет, я буду вынужден снова решать все ту же задачу: ждать тут или уходить, пока до меня не добрались.

Нетерпение усиливалось так быстро, что я не выдержал: подошел к пульта и переключил мониторы на внешние камеры. Хотя это мое действие будет, несомненно, отмечено наблюдающими и истолковано как начало активных действий с моей стороны: они быстро поймут, что вместо дешифровки я занят наблюдением за окрестностями. То есть – собрался в бега. И примут меры. Тем не менее беспокойство заставляло рискнуть.

И, как оказалось, не напрасно.

Потому что я сразу же увидел курьера. Почему-то посланец и на этот раз передвигался по поверхности, вместо того чтобы воспользоваться воздушным путем. Скорее всего потому, что во время полета человек является наиболее незащищенным, и если за ним охотятся, то достаточно заглушить движок его агриндика – и преследуемый ссыплется с немалой высоты, после чего будет пригоден только для похорон; на твердом же грунте всегда остается возможность для маневра. Так что он только что показался из-за угла и спокойной, неторопливой походкой стал приближаться к подъезду здания, в котором находился я. Подошел. Вошел беспрепятственно.

Я переключился на вестибюль.

Курьер пересекал его все так же уверенно, направляясь к подъемной шахте. Я облегченно вздохнул. Его никто не преследовал, не напал, не схватил. В вестибюле находилось не менее дюжины разных людей, сидевших, стоявших и пересекавших его, но никто не обратил на курьера ни малейшего внимания.

Он вошел в шахту один.

К сожалению, просматривать внутренность этой трубы, по которой можно, пользуясь своим агриндиком, достичь любого из полутора сотен этажей, отсюда было невозможно: камера в шахте была, но выход она имела только на службу охраны здания. Зато выход из шахты на моем этаже я, после очередного переключения, наблюдал прекрасно. Судя по огонькам индикатора, курьер был уже на подходе. Вот и он.

Шахтный проем очистился, и курьер вышел на площадку.

Хотя, пожалуй, «вышел» – не совсем точное слово. Не вышел; его вытолкнули. За ним одновременно протиснулось двое; они держали курьера за руки, завернутые за спину. И еще двое. Когда он входил в шахту, вокруг было пусто; видимо, четверо вошли в трубу на одном из этажей, а может быть, и на двух.

Вся процессия направилась к двери в наш отсек.

Похоже, что моя проблема, наконец, решилась сама собой в пользу немедленного исчезновения. Если, конечно, оно было еще возможно. Я подумал, что нерешительность, как это обычно и бывает, привела к худшему из возможных результатов.

Компьютер продолжал с великим усердием терзать не имеющую решения задачу. Похоже было, что и сам я оказался точно в таком же положении.

Глава 5

Впрочем, не совсем. В моем распоряжении оставалось куда меньше времени, чем у компьютера, – если справедлива мысль, что время измеряется количеством происходящих изменений, если же ничего не происходит, то и время перестает существовать: его никак нельзя ощутить. В компьютере изменений происходило в миллионы раз больше, чем во мне. Что же касается меня, то, по моей прикидке, минуты полторы еще имелось; столько потребуется визитерам, уже приблизившимся к моей двери, для того чтобы вскрыть ее без моего согласия и доставить мне неудовольствие видеть их лицом к лицу. Одна минута десять. Нормального выхода отсюда для меня не существует: он перекрыт ими. Минута ровно.

Но существует и быстрый выход: через стартовое окно. Что за окном? Как назло, никого. Ни единого прохожего. Хотя на самом деле речь идет, конечно, о пролетающих: в третьей вертикальной зоне (высота моего этажа над поверхностью – двести сорок три метра на уровне подоконника) пешком, как вы и сами знаете, не ходят; однако в век гравитехники это мало кого волнует. В этой зоне с моей стороны здания коридор движения на восток – в десятке метров выше окна, на запад – на столько же метров ниже. Это, кстати, не случайно: помещение для переговоров мы с Орро выбирали с учетом разных возможных ситуаций – в том числе и той, что создалась к этому мгновению.

Сорок секунд; за дверью уже тоненько запел отмыкатель, но замок еще выдержит полминуты с лишним, это неплохая техника, кстати, терранского производства. Местный уже поддался бы.

«Очистить окно!» Повинуясь голосу, прозрачная преграда между мной и внешним миром начинает таять, как и полагается, от центра к периферии. Уже можно высунуть голову. Но вот ведь свинство какое: на восток не движется ни единого человека, и если я направлюсь туда – заметить меня не потребует никаких усилий, просто выглянуть – техника задержания у них наверняка отработана до совершенства, явно не любители занимаются Орро и, значит, мною. Ладно. С востоком не везет. А с западом?

А вот это уже похоже на удачу. Даже двойную. Первая заключается в том, что здешнее светило, по традиции именуемое солнцем, хотя официально носит совсем другое название, – солнце, большое и багровое, как ему и полагается в этот час суток, снизилось уже настолько, что западный коридор движения как бы упирается в него. На этом раскаленном фоне разглядеть что-либо становится куда сложнее, чем на экране блекнувшего, да еще и с белыми облаками, неба. Хорошо. А вторая удача – и, пожалуй, главная – состоит в том, что с востока в этом коридоре движется, приближаясь, немалая группа местных жителей, навскидку – человек под двадцать. Я заранее знаю, что это за толпа: студиязусы из Сальтского университета коммерческих наук, у них четверть часа тому назад закончилась последняя пара. Хотя если бы и не знал – сразу догадался бы: обычный для них галдеж слышен даже сейчас, да и скорость, с какой они перемещались, не щадя свои аграресурсы, выдавала их: раза в полтора она превышала рекомендуемую для этой трассы в такой час. Двигаясь в таком темпе, они поравняются со мной...

Четырнадцать секунд осталось. Пора.

Оконный проем тем временем совершенно очистился. Я стою на подоконнике на коленях. Мой агриндик поспешно, но аккуратно извлеченный из внутреннего кармана, уже закреплен на спине. Инстинкт (унаследованный от самого сотворения мира, не иначе) сейчас, как и всякий раз при выходе в воздух, злобно протестует; но это уже привычно, чтобы он не возражал, его надо упоить до такой степени, чтобы он уснул, – однако это грозит более серьезными недоразумениями. Так что я просто мысленно рывкаю на него: «Заткнись!» – и ныряю с подоконника, одновременно плавно вводя аппарат в работу.

Рассчитал я неплохо. Студенческая орава догнала меня на пятой секунде моего полета и стала обтекать со всех сторон, соблюдая, конечно, приличия. Еще через пять секунд я оказался в ее середине – и плавно увеличил скорость до той, с какой передвигались коммерц-адепты. Не оглядываясь, я еще через четыре секунды почувствовал (лопатками, что ли?), как кто-то высунулся из бывшего моего окна и стал пялиться вдогонку нашей быстро отдаляющейся ватаге. Но меня вряд ли можно было разглядеть среди плотной толпы, даже если в его распоряжении был серчер со всеми моими параметрами. Адье, мои красивые, встретимся, я надеюсь, никогда, jamais!..

В середине студенческой компании я, чтобы на меня не косились и не старались выдавить из группы, сразу же включился в горячую дискуссию на тему: примерный мыслимый доход от инвестиций в миры восьмого класса. Это позволило мне удерживаться в группе до второго перекрестка, которые на высоте обозначены так же четко, как и на твердой поверхности. Мой летный опыт относительно невелик, так что лететь непринужденно и одновременно болтать, что в голову придет, чтобы не выделяться из окружения, требовало определенных усилий. Хотя летели все мы в одной и той же, выработанной с годами позе (не горизонтально, как плыли бы в воде, и не вертикально, как принято ходить по тротуару, но, так сказать, по биссектрисе – под углом сорок пять градусов, используя кроме аградвижка еще и возникающую подъемную силу), но среди нашей достаточно плотной группы все время происходило внутреннее движение: менялись собеседники, потому что тут возникала одна тема, там – другая, и сразу начиналась новая перегруппировка по интересам, при этом меня снова невольно оттесняли в сторонку. Я вежливо сопротивлялся, внутренне завидуя молодой безмятежности и уверенности в себе и как-то и самого себя начиная ощущать куда более молодым и даже оптимистом – хотя давно уже не был ни тем, ни другим. И лишь когда пришла пора отвернуть в сторону, я позволил выдавить себя к самой периферии группы, а как только мы оказались в границах развязки – плавно замедлил скорость, отстал и повернул на север по одиннадцатому коридору Север – Юг (западно-восточные здесь обозначаются литерами, хотя в разговоре чаще называются именами тех проспектов, улиц и проездов, над которыми пролегают).

Я изменил курс не потому, что студенты мне надоели – напротив, я с удовольствием еще побыл бы с ними, заряжаясь бодростью, но оставалась задача, которую надо было решать независимо от качества моего настроения, а для этого следовало в первую очередь оказаться в надежном укрытии, где никто не смог бы не только принести мне вред, но даже и просто помешать. Такое место существовало, и я знал, где оно находится – или, во всяком случае, находилось еще позавчера, когда его проверяли в очередной раз; именно туда я и держал путь.

Место это – не единственное, но, пожалуй, лучшее – было выбрано нами по давно известному принципу: где надежнее всего спрятать камень? В каменной россыпи или на галечном пляже, а вовсе не в каком-нибудь укромном уголке. Хотя бы потому, что всегда имеется некоторое количество людей, обожающих искать и находить именно укромные уголки – даже без всякого злого умысла, просто у них есть такая внутренняя потребность. От тайников лучше держаться подальше, и самые рискованные действия лучше предпринимать у всех на глазах – тогда люди, скорее всего, просто не поверят, что вы действительно делаете это. И вот выбранное нами убежище соответствовало как раз этому принципу – не полностью, может быть, но в главном соответствовало. Тут, наверное, стоит оговориться: произнося «выбранное нами», я имею в виду вовсе не Орро. Он как раз ничего об этом не знал и не знает, следовательно – не раскроет его даже в случае, если изменит своим принципам (во что я, впрочем, не верю).

Глава 6

Путь к убежищу вел через городской Луна-парк; именно здесь всегда толпились люди, дрейфуя от одного аттракциона к другому, задерживаясь в кафешках в шатрах или под зонтиками, а то и просто под открытым небом, порой же располагаясь с пивом и заедками прямо на травке, на газонах, что никак не запрещалось. В любом большом городе всегда хватает людей, ничем не занятых даже в разгар рабочего времени; это характерно для всех цивилизованных миров – и Сальта не была исключением. Такое времяпрепровождение даже поощрялось: пребывание людей не в своих четырех стенах, а, напротив, у всех на виду вместе со множеством других, знакомых и незнакомых, должно было свидетельствовать – и действительно свидетельствовало о спокойствии, порядке, благополучии и доброжелательности населения; а чего еще можно желать в большом городе?

Луна-парк эпохи гравитехники, как это ни покажется странным, не очень отличался от таких же заведений, какими они были и сто, и, наверное, триста лет тому назад. Скорее всего потому, что, как бы ни развивалась техника, люди в принципе оставались все такими же – с теми же инстинктами и желаниями, все так же замирали сердца, когда, скажем, заполненная людьми кабина внезапно обрушивалась вниз с высоты – как ни будь уверен в том, что гравитехника не подведет, страх этого не знает. И когда разогнавшийся вагончик в высшей точке трассы срывается с направляющих и летит по воздуху, по пологой траектории – сколько ни убеждай себя в том, что все рассчитано точнейшим образом, буквально до миллиметра, а если даже произойдет невозможное и вагон не попадет, закончив сорокаметровую безопорную дугу, на продолжение рельсов на втором участке трассы – все равно ничего страшного не случится: недремлющий антиграв плавно опустит вагон на грунт, практически даже без толчка, – нет, как ни успокаивай себя такими размышлениями, все равно сердце сбоят, пресекается дыхание и в кровь врывается мощная струя адреналина. И даже в старейшем из аттракционов, в «пещере ужасов» (на самом деле это не пещера, а туннель, углубленное в землю кольцо с ответвлениями), люди, давно уже, казалось бы, отученные верить в привидения, живых мертвецов и семиглавых драконов, все равно невольно вскрикивают, отворачиваются, а то и приседают, закрывая лицо руками, когда из черной дыры выскакивает огнедышащее чудовище и с размаху ломится в окно медленно проползающего по туннелю вагона: ну конечно, это все не настоящее, но вдруг окно все же не выдержит? Нет, я понимаю, но вдруг?..

Этот аттракцион мне всегда нравился больше остальных – наверное, потому, что по мне глубина лучше высоты, там если что, то всмятку, а из глубины можно все-таки выкарабкаться или всплыть – если повезет, конечно. И, спокойно приземлившись на посадочной площадке Луна-парка и достаточно внимательно, хотя и ненавязчиво, оглядев ближнее пространство (все было спокойно), я направился именно к этой кассе. Заплатил тридцать сальтов (по-моему, цены в парке все-таки грабительские) и уселся в вагон, уже более чем наполовину заполненный любителями острых ощущений.

Место я выбрал в кормовой части, рядом с запертой дверцей аварийного выхода. Еще три с лишним минуты – после того как вежливой улыбкой приветствовал даму средних лет, рядом с которой оказался (она сидела справа от меня, у окна), – я не сводил взгляда со входа, где появлялись все новые пассажиры. Наконец последнее место оказалось занятым, прозвенел звонок, дверь затворилась, и ни одного человека, какой мог бы представлять для меня угрозу, так и не появилось. Я облегченно вздохнул и стал настраиваться на Ланерского Червя – это чудовище должно было первым представиться нам и вызвать первые визги и ахи. Вагон тронулся. И сразу же соседка, приблизив ко мне лицо, прошептала:

– Скажите, это весьма опасно?

«Очень кстати», – подумал я. Вслух же ответил вполголоса, только для нее:

– Мадам, мне не следовало бы говорить этого, но вы, видимо, впервые... Ни малейшей угрозы, поверьте мне.

– А вам уже приходилось... участвовать в этом?

Я позволил себе улыбнуться:

– В каждой поездке. Я тут работаю инспектором по технике безопасности. Так что могу поручиться. Кстати, если я во время поездки покину это место, не удивляйтесь и не пугайтесь: это входит в мои обязанности. И не поднимайте тревоги.

– Спасибо, что предупредили, – собравшись с духом, дама поблагодарила меня кокетливой улыбкой.

Она оказалась молодцом: Ланерского Червя восприняла почти спокойно, лишь едва слышно ойкнула, когда выпуклые, светящиеся фиолетовым пламенем глаза и окровавленная пасть монстра заняли все окно. А как удалось ей пережить прочие ужасы, я не увидел, потому что твердо помнил: через минуту после исчезновения червя настанет мое время. Еще не вставая с кресла, я отвел левую руку назад. Нашарил запорный механизм аварийного выхода. Так же на ощупь нашарил кнопку отключения тревожного сигнала. Время, потраченное неделю тому назад на изучение схемы этого транспортного средства, принесло свои плоды. Десять секунд. Пять. Да.

Это тоже было отработано: одновременно с движением отворяющейся дверцы опереться на левую ногу, не распрямляясь, повернуться на левом носке, как вокруг оси, и, продолжая вращение, оказавшись спиной к открывшемуся выходу, оттолкнуться. Хотя скорость вагона была не более десяти километров в час, прыгать все равно нужно спиной вперед и потом короткой пробежкой погасить инерцию. Главное – не шарахнуться вправо, где проходит силовая шина. Милая старина. Но ее не спешат менять, потому что она никому не видна, кроме здешнего персонала.

В вагоне мое исчезновение прошло незамеченным, потому что дверца обычно настроена на разовое срабатывание – ею пользуется чаще всего вагоновожатый, когда покидает вагон после конца смены: так ему удобнее, а основной вход в то же время пропускает уборщиков и ремонтников. Так что дверца, выпустив меня, сразу вернулась на место, а поскольку тревога была отключена, то даже на пульте водилы не зажглась сигнальная лампочка. Тишина и порядок. Я несколько секунд смотрел вслед удалявшемуся с тихим жужжанием вагону. Потом осмотрелся. Я все выполнил точно: очередная черная дыра оказалась прямо напротив меня.

Когда-то предполагалось, что из этого кармана будет выскакивать шайка бандитов, собирающихся ограбить вагон; так оно, собственно, и обстояло, но вскоре общественность стала возражать, полагая, что появление бандитов есть посягательство на моральные устои, в отличие от дракона, который все же рассматривается как порождение природы, а не продукт общественных нравов. Банду убрали, помещение осталось, ни для чего другого его использовать не получалось – и о нем постепенно забыли. До той поры, когда кто-то о нем вспомнил и приспособил, в частности, и для наших возможных целей.

Сюда-то я и собирался попасть, чтобы в спокойной обстановке поработать над уже известными проблемами инской лингвистики.

Глава 7

Было темно, как в кожаных штанах. Я негромко потребовал малый свет; тут же получил его в виде одинокого светильника в правом дальнем углу. Сразу нажал неприглядную кнопку рядом с дверью, на высоте колена, и получил ожидавшийся отзыв. Все, следовательно, было в порядке. Впрочем, в этом никогда не мешает убедиться лишний раз. Так что прежде, чем заняться делом, я внимательно оглядел нору, в которой собирался провести столько времени, сколько потребуется – или сколько позволят обстоятельства, это, пожалуй, будет ближе к истине.

Похоже, что сюда давно уже никто не заходил; прийти к такому заключению заставлял толстый слой пыли, лежавшей на всем окружающем. Ничего удивительного: ее постоянно приносит сюда из туннеля ветер, возникающий при прохождении «вагона ужасов» – иными словами, через каждые полчаса, а уборщиц в туннеле и всех его карманах нет, владельцы аттракциона избегают излишних расходов. Плотное одеяло пыли покрывало и два стола, и находившуюся на них аппаратуру, и стулья, и широкий диван, на котором можно было спать, и шкаф, гибридный буфет с гардеробом, и холодильник, в котором должен был храниться недельный запас продовольствия на одного человека. Не было пыли только на железном шкафчике, в котором содержалось кое-какое оружие; ничего удивительного: шкафчик этот был врезан в стену, а дверца его вместе с электронным замком скрывалась под настенным табло столь же электронного календаря. И еще не было пыли на полу, на той его части, что была свободна от мебели; и вот об этом уже стоило подумать серьезно.

А может быть, и не стоило? Времени и так было меньше, чем хотелось бы, к тому же отсутствие пыли вовсе не было признаком какой-то опасности. То есть, скорее не было, чем наоборот. Вообще этим убежищем мог пользоваться не только я; скажу даже больше: оно было сооружено вовсе не для меня или вообще терран, мы принимали в этом лишь скромное участие, и потому нам было позволено им пользоваться – но только в ситуациях, действительно критических. Если бы сюда, случайно или нет, заглянул кто-нибудь из посторонних, хозяева укрытия немедленно получили бы сигнал о вторжении: вряд ли кто-то, кроме посвященных, знал, что, показавшись здесь, нужно сразу же подать сигнал «Свой», иначе последуют неприятные продолжения. Я подал этот сигнал, нажав нужную кнопку, и лишь после этого стал осматриваться. Значит, что? Вывод один: тут был кто-то из своих – и все, и меня это никак не должно касаться, потому что их дела не имели ничего общего с моими. И если свои могли оказать мне какую-то помощь, то уж никак не в дешифровке инского текста. А для меня она была сейчас заботой номер один.

Дело не в том, что я так уж стремился на выручку своему нанимателю. Наоборот, я надеялся, что этим мне как раз не придется заниматься – во всяком случае, в ближайшее время. Это его проблемы, не мои. Сейчас, когда Орро выбыл из игры, безразлично – на час-другой или навсегда, мне следовало получить ответ на принципиальный вопрос. А именно: могу ли я оставить эту затею и обратиться восвояси или же, поскольку задача пока еще не решена, мне прикажут заменить собой выбывшего, стать Орро и довести дело до конца? То есть, выступить полномочным представителем инской стороны в переговорах, которые мы должны были провести и завершить в нашу (в первую очередь Ины) пользу, иного исхода просто не могло быть.

Я достаточно обоснованно предполагал, что людям наверху нет никакого дела до того, что я не специалист в таких играх, что мое дело – язык, не более того; с точки зрения начальства, раз уж я участвую в деле, значит, мне и продолжать его. Такой оборот ясно просчитывался; тем не менее, сейчас я был обязан сообщить о случившемся и, если меня оставляют, затребовать поддержку – человека, который будет играть при мне ту роль, какая была отведена мне при Орро, затем сочинить для «Многих» удобоваримую легенду, объясняющую, почему

мой переводчик выбыл из строя, а наверх помимо просьбы о помощи доложить: как, почему, при каких обстоятельствах и в какой степени сгорел Орро. Потому что сообщить об этом на Ину и решить с ними вопрос – подберут ли они нового представителя или доверят вести это дело мне – могло только мое начальство.

Да, но пока все содержание моего доклада выразилось бы в таких словах: «Ничего не знаю». Такие донесения не любит ни одно начальство на свете, и это понятно. Я обязан был знать. И узнать хоть что-нибудь, получить хотя бы косточку, на которую уже сам постарался бы нарастить толстый слой мяса, я мог опять-таки только из этого текста, будь он трижды проклят. А вернее, будь прокляты немые знаки, блистательно в нем отсутствующие.

Так или иначе, доложить нужно было сразу. А отсутствие информации замаскировать такой формулировкой: «Подробности происшедшего сообщу в ближайшее время». Пусть думают, что этих подробностей у меня такая куча, что нужно прежде в них разобраться, систематизировать, сделать ту работу, от которой само начальство всегда уклоняется – и как правило успешно. Только так я и могу поступить.

Пришлось потрудиться, осторожно снимая пыль с клавиатуры вневременной связи (пыль, к счастью, лежала на крышке, а не на самой клавиатуре), затем еще более осторожно смахивая ее с монитора и, в последнюю очередь, с плоской коробки кодировщика. Шлем, к счастью, хранился в выдвижном ящике, и пыли на нем собралась самая малость, да и то снаружи. Стул я просто положил набок и пару раз поддал по нему ногой, так что наслоения переместились на пол, образовав кучку.

Поднял его, уселся и стал настраиваться на нужный мне вектор. Прошло без помех. Я, убедившись в том, что канал установился, отбарабанил сообщение, закодировал и вышвырнул; последнее заняло чуть меньше секунды. Еще через секунду получил квитанцию. Теперь надо было ждать, по моей прикидке, от получаса до часа: тексты от начальства всегда составляются без спешки, обсуждаются и согласовываются. Ладно, это дает мне возможность заняться, наконец, поисками черной кошки в темной комнате.

Если только это кошка. А не блоха: она ведь тоже черная.

Но подозреваю, что вам уже надоели мои постоянные упоминания о деле, которым я и дальше буду (или не буду?) здесь заниматься – без объяснения: в чем же, собственно, это дело заключалось и зачем мы с Орро оказались здесь? То есть я, собственно, попал сюда потому, что ему понравился переводчик. Ну а он?

Видимо, надо сказать об этом хоть несколько слов.

Глава 8

Все это дело с самого начала было каким-то, туманным, скажем так.

Впрочем, трудно было и ожидать чего-то другого. Поскольку все исходило с Ины, а Ина всегда была миром закрытым. Хотя тамошние власти и старались произвести впечатление готовности к сотрудничеству. На самом же деле даже лучшие разведки населенной Галактики никогда толком не могли сказать, что на самом деле там, на Ине, происходит и чего, наоборот, не делается. И хотя инская промышленность на галактическом рынке была представлена достаточно широко, достоверной информации об уровне ее закрытых отраслей ни у кого не было – и это все знали, хотя вслух и отрицали. То же самое правомерно и для инской науки, которую смело можно было уподобить айсбергу, открывающему для взгляда разве что одну десятую часть своего объема. Меня, откровенно говоря, все это не очень волновало, поскольку, кроме инского языка, для меня на этой планете не оставалось ничего интересного, разве что еще юношеские воспоминания.

Поэтому достаточно необычным и совершенно неожиданным для больших миров, в частности для Терры (я имею в виду, конечно, правительство, которое только и было в курсе происходившего), оказалась сугубо конфиденциальная просьба инской власти о помощи в некоем деликатном деле. А для того чтобы Терра восприняла эту просьбу всерьез, инам пришлось ввести мое правительство в курс дела.

Из их объяснений следовало, что на Ине было похищено нечто считавшееся едва ли не самой большой национальной драгоценностью, и речь шла о том, что его, это «нечто», следовало отыскать и любой ценой вернуть владельцам, то есть тому же инскому правительству.

Это было очень интересно хотя бы потому, что до тех пор никому и нигде не было известно о том, что на Ине существует какой-то предмет, чья ценность для этого государства является столь значительной. От потерпевших, естественно, попросили объяснений: что же это такое и с чем его, как говорится, едят?

Ответ был еще более неожиданным, настолько, что в него поверили как-то не сразу. Однако другой информации о похищенном просто не существовало, так что сказанное инами пришлось принять на веру.

А рассказали они вот что. Оказывается, шесть лет тому назад (речь идет, как вы понимаете, об условных или конвенционных годах, совпадающих с терранским исчислением) легкий крейсер инского Флота Простора, патрулировавший, как ему и полагалось, район сопостранственного входа-выхода, что являлся ближайшим к Ине, и производивший досмотр проходивших через этот район судов, выудил из пространства нечто непонятное. А именно – шарообразный предмет тридцати двух сантиметров в диаметре. И это было единственным, что можно было сказать о находке более или менее уверенно. Все остальное непременно начиналось с отрицания «не». То есть, предмет не был (насколько можно было судить по внешнему осмотру) ни металлическим, ни пластиковым, ни композитным, ни органическим, а также не принадлежал к царству минералов. Было высказано предположение, что это – какая-то сверхплотная плазма или вообще каким-то образом суперконцентрированное поле. Но ни одну догадку нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку шар нельзя было проанализировать ни одним из известных способов. Он никак не откликался на сперва очень робкие, но чем дальше, тем более решительные попытки заглянуть в него каким угодно образом. Пытались разглядеть на просвет, но любое просвечивание констатировало лишь, что шар был монолитом, ничего в себе не содержал, кроме себя самого, и все. Пытались определить его массу – и получили совершенно недостоверный, и тем не менее реальный результат: масса шара равнялась нулю. Вот так, хотите верьте, хотите нет. При этом шар никак не возражал против порою слишком уж нервного обращения с ним. Он, так сказать, никак себя не вел. Под конец стали уже

пытаться его разрезать, разрубить, распилить – шар не возражал и не сопротивлялся, позволял режущему инструменту углубиться в себя – но разреза не получалось, целостность шара мгновенно восстанавливалась, сколько ни кромсай его. Тогда воспользовались лезвием шириной в полметра, чтобы у двух ожидаемых полушарий не оставалось ни единой общей точки. Но и тут ничего не получилось: едва инструмент довел разрез до конца, оба полушария соскользнули с него и вновь объединились, ни следа от разреза не осталось. Пытались удержать полушария на месте – тщетно: вещество было каким-то суперскользящим и, кстати, оказалось и необычайно пластичным: шар выскальзывал в любую щелку, словно был даже не жидким, а сверхтекучим. И в то же время не проявлял никакого желания удрать, освободиться, вообще как-то *поступить*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.